

КОНФУЦИЙ

СУЖДЕНИЯ И БЕСЕДЫ

Мудрость веков

Конфуций
Суждения и беседы

«Издательство АСТ»

2016

УДК 1(510)
ББК 87.3(5Кит)

Конфуций

Суждения и беседы / Конфуций — «Издательство АСТ»,
2016 — (Мудрость веков)

ISBN 978-5-17-097902-8

Книга «Суждения и беседы» – это записи высказываний Конфуция, сделанные его учениками и последователями. В конце книги вы найдете биографию Конфуция написанную Павлом Сергеевичем Поповым.

УДК 1(510)
ББК 87.3(5Кит)

ISBN 978-5-17-097902-8

© Конфуций, 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Конфуций

Суждения и беседы

В 15 лет я обратил свои помыслы к учению.

В 30 лет – я обрел прочную основу.

В 40 лет – я сумел освободиться от сомнений.

В 50 лет – я познал волю Неба.

В 60 лет – я научился отличать правду от лжи.

В 70 лет – я стал следовать зову моего сердца и не нарушал

Ритуала

Конфуций

Глава I

Не приятно ли учиться...

1 Философ сказал: «Не приятно ли учиться и постоянно упражняться? Не приятно ли встретиться с другом, возвратившимся из далеких стран? Не тот ли благородный: муж, кто не гневается, что он не известен другим?»

Все люди по природе добры, но одни из них прозрели раньше, а другие позже, поэтому позже прозревшие только при обязательном условии подражания знаниям и поступкам прежде прозревших могут очистить свою природу и вернуть ей ее первобытные совершенства¹.

2 Ю-дзы сказал: «Редко бывает, чтобы человек, отличающийся сыновнею почтительностью и братскою любовью, любил бы восставать против старших, и никогда не бывает, чтобы тот, кто не любит восставать против высших, захотел произвести возмущение. Совершенный муж сосредоточивает свои силы на основах; коль скоро положены основы, то являются и законы для деятельности. Сыновняя почтительность и братская любовь – это корень гуманности».

Ю-цзы – ученик Конфуция по имени Жо, отличавшийся сыновней почтительностью и братскою любовью.

Гуманность – это закон любви и свойство человеческого сердца, а послушание и братская любовь – это ее проявления.

3 Философ сказал: «В хитрых речах и во вкрадчивом выражении лица редко встречается гуманность».

4 Цзэн-цзы сказал: «Я ежедневно исследую себя в трех отношениях: обдумывая что-либо для других, был ли я предан им, был ли искренен в отношениях с друзьями и усвоил ли я то, что было преподано мне Учителем».

Цзэн-цзы – ученик Конфуция по имени Шэнь, по прозвищу Цзы-юй. Между другими учениками Конфуция Цзэн-цзы отличался сосредоточенностью и потому верно передавал то, что им было усвоено от Конфуция. Жаль, что его прекрасные изречения и хорошие поступки не все сделали достоянием потомства. Этот параграф может быть переведен еще и так: «Обдумывая что-либо для других, быть может, я не был предан их интересам» и т. д.

¹ Курсивом даны примечания переводчика.

5 Философ сказал: «При управлении княжеством, имеющим тысячу колесниц, необходимы постоянное внимание к делам и искренность в отношении к народу, умеренность в расходах и любовь к народу с своевременным употреблением его на работы».

По мнению Чэн-цзы, блестящее правление Яо и Шуня заключалось только в осуществлении в полной мере этих пяти принципов.

6 Философ сказал: «Молодежь дома должна быть почтительна к родителям, вне дома – уважительна к старшим, отличаться осторожностью и искренностью (правдивостью), обильною любовью ко всем и сближаться с людьми гуманными. Если по исполнении сего останется свободное время, то посвящать его учению».

7 Цзы-ся сказал: «Если кто из уважения к людям достойным отказывается от похоти, служит родителям до истощения сил, государю – до самопожертвования и в сношениях с друзьями честен в своих словах, то я, конечно, назову такого ученым, хотя бы другие признали его невежей».

Цзы-ся – ученик Конфуция по фамилии Бу, по имени Шан.

8 Учитель сказал: «Если совершенный муж (изюнь-цзы) не солиден, то он не будет вызывать уважения к себе в других и знание его не будет прочно. Поэтому поставь себе за главное преданность и искренность; не дружись с людьми, которые хуже тебя; если ошибся, не бойся исправиться».

9 Цзэн-цзы сказал: «Если мы будем рачительны в отдаении последнего долга родителям и будем вспоминать (т. е. приносить жертвы и проч.) об отшедших, то народная нравственность улучшится».

10 Цзы-цинъ спросил у Цзы-гуна: «Философ, прибыв в известное государство, непременно собирал сведения об его управлении. Домогался ли он этого, или же ему сообщали их?» Цзы-гун отвечал: «Философ приобретал их благодаря своей любезности, прямоте, почтительности, скромности и уступчивости. Не отличался ли его способ собирания их от способа других людей?»

Цзы-цинъ по фамилии Чэн, по имени Кан, а Цзы-гун по фамилии Дуан-му, по имени Цы, вэйский уроженец – оба ученики Конфуция. Другие полагают, что Цзы-цинъ был учеником Цзы-гуна.

11 Философ сказал: «Кто при жизни отца всматривался в его намерения, а по смерти смотрит на его деяния и в течение трех лет не изменяет порядков, заведенных отцом, того можно назвать почтительным».

Несмотря на прямой и вполне согласный с китайской моралью смысл этого параграфа, переданный и нами, некоторые толкователи с Чжу-си во главе придают ему совершенно другой смысл, а именно: «При жизни отца смотри на направление воли сына, а по смерти его – на его поступки». Такое толкование не согласуется и с последующей фразой о неизменении в течение трех лет порядка, т. е. образа деятельности отца, если слово «деяния» мы будем относить к сыну, а не к отцу.

12 Ю-цзы сказал: «В приложении церемоний (житейских правил) дорога естественная непринужденность, которая в правилах древних царей признавалась превосходной вещью и которой следовали и в малых, и в больших делах. Но бывают случаи, что и она не действует, ибо знать только, что она дорога и ограничиваться ею одною, не регулируя ее церемониями, также невозможно».

Смысл этой, довольно-таки темной, тирады заключается в том, что церемонии или правила, определяющие всю деятельность человека, не должны нарушать естественной непринужденности; но с другой стороны, и эта последняя, чтобы не сделаться разнузданностью, должна регулироваться первыми. По толкованию Чэн-цзы, между церемониями, или житейскими правилами, и гармонией, гит естественной непринужденностью, должно существовать полное равновесие без малейшего преобладания, и тогда только деятельность человека будет следовать правильным путем.

13 Ю-цзы сказал: «Если условие согласно с справедливостью, то сказанное можно исполнить. Почтение, если оно согласуется с нормою, избавляет нас от срама. Если тот, на кого опираются, заслуживает сближения с ним, то его можно взять в руководители».

Чем раскаиваться впоследствии, не лучше ли быть осторожным вначале – это общий смысл настоящего параграфа.

14 Философ сказал: «О том благородном муже, который в еде не заботится о насыщении, в жилище не ищет комфорта, быстр в деятельности, осторожен в речах и обращается, для исправления себя, к людям нравственным, можно сказать, что любит учиться».

Стремление к Учению, поглощающее все внимание благородного мужа, не оставляет ему досуга думать о таких мелочах, как пища и комфорт.

15 Цзы-гун спросил: «Что вы скажете о человеке, который в бедности не пресмыкается, в богатстве не заносится?» Философ ответил: «Годится, но он ниже того, который в бедности весел, а в богатстве благопристоен». Цзы-гун сказал: «В Ши-цзине сказано: Как будто обтесана и обточена (слоновая кость), как будто огранена и отшлифована (яшма). Так вот, что это значит!» Философ сказал: «Цы, теперь с тобой можно толковать о Ши-цзине потому что скажешь тебе о прошедшем, ты знаешь и будущее».

Изречение «Ши-цзина» приведено Цзы-гун в объяснение того, что он понял мысль своего Учителя, что путь совершенствования бесконечен.

16 Философ сказал: «Не беспокойся о том, что тебя люди не знают, а беспокойся о том, что ты не знаешь людей».

Глава II

Кто управляет

1 Философ сказал: «Кто управляет при помощи добродетели, того можно уподобить Северной Полярной звезде, которая пребывает на своем месте, а остальные звезды с почтением окружают ее».

Это символ правителя, украшенного всеми добродетелями, влияние которого настолько преобразило народ в смысле нравственного совершенства, что он сам, без всяких понуждений охотно исполняет свои обязанности, так что правителю не остается ничего делать.

2 Философ сказал: «“Ши-цзин” хотя и состоит из 300 песен, но они могут быть объаты одним выражением: “Не имей превратных мыслей!”».

По мнению Чэн-цзы, это может быть выражено одним словом: искренность.

3 Философ сказал: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он и будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда; если же руководить им посредством добродетели и поддерживать в нем порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда и он будет исправляться».

В первом случае народ будет исполнять предписания закона из страха наказания, а не по сознанию нравственного безобразия преследуемых им явлений, которое вызывало бы в нем чувство стыда и отвращения и искоренило злую волю. Во втором же случае у него является отвращение к пороку как явлению, противоположному его природе, врожденной ему идее добра и чувство стыда пред совершением его. По мнению китайцев, законы – это орудие установления порядка, а наказания – вспомогательные для этого средства.

4 Философ сказал: «В 15 лету меня явилась охота к учению; в 30 лет я уже установился; в 40 лет у меня не было сомнений; в 50 лет я знал волю Неба; в 60 лет мой слух был открыт для немедленного восприятия истины; а в 70 лет я следовал влечениям своего сердца, не преходя должной меры».

Под именем воли Неба разумеются небесные законы, разлитые во вселенной, присущие каждой вещи, каждому явлению и определяющие его деятельность. С полным познанием и совершенным усвоением этих законов, или, выражаясь другими словами, мировой истины, слух человека делается немедленным, непосредственным и покорным проводником ее. Это есть высшая степень знания. В 70 лет человек достигает полного равновесия, той желанной для конфуцианца середины, которая исключает возможность уклонений, и потому ему нет необходимости напрягать усилия для того, чтобы действия его были правильны, они сами по себе свободно правильны: при таком состоянии он, конечно, может следовать влечениям своего сердца без опасения, что оно увлечет его на недолжный путь.

В древности в 15 лет начинали великое учение, т. е. приступали к изучению этико-философских принципов, необходимых для взрослых.

5 На вопрос Мэн-и-изы, в чем состоит сыновья почтительность, Философ ответил: «В непротивлении (послушании)». Когда Фань-чи вез Философа, тот сказал ему: «Мэнь-сунь спросил меня, в чем состоит почтительность, и я отвечал ему: в непротивлении». Фань-чи сказал: «Что это значит?» Философ сказал: «Когда родители живы, служить им по правилам, когда они умрут, похоронить их по правилам и по правилам приносить им жертвы».

Мэн-и-изы – луский вельможа Чжун Сунь-иш по имени Хэ-цзи. Фань-чи – ученик Конфуция по имени Стой, луский уроженец, бывший у него кучером.

6 Мэн-у-бо спросил Конфуция о сыновней почтительности. Философ сказал: «Отец и мать беспокоятся только о том, не болен ли их сын».

Если сын проникнется этим и будет платить им взаимностью, то он, без сомнения, будет осторожен во всем том, что касается соблюдения себя.

Мэн-у-бо – сын Мэн-и-цзы по имени Чжи.

7 На вопрос Цзы-ю о почтительности Философ сказал: «Современная почтительность к родителям означает быть в состоянии кормить их; но ведь собаки и лошади также получают пропитание. При отсутствии почтительности чем же будет различаться кормление родителей от кормления собак и лошадей?»

Цзы-ю-ученик Конфуция по фамилии Янь, по имени Янь.

8 На вопрос Цзы-ся о почтительности Философ сказал: «В этом случае трудность заключается в выражении лица (т. е. в том, чтобы постоянно иметь веселый, довольный вид). А что младшие братья и дети будут брать на себя заботы о делах, будут угощать родителей и старших братьев вином и кушаньем, то разве это можно считать сыновней почтительностью?»

9 Философ сказал: «Я разговариваю с Хуэем целый день, и он не возражает, как будто совершенно глуп; но когда после его ухода я вникаю в его частную жизнь, то нахожу, что он в состоянии уяснить мое Учение. Хуэй неглуп».

Хуэй – ученик Конфуция по фамилии Янь, по прозвищу Цзы-юань, луский уроженец. Хуэй (Янь Хуэй, Цзы-юань) – один из наиболее замечательных учеников Конфуция, был моложе Учителя на 30 лет.

10 Философ сказал: «Где может укрыться человек, где он сможет укрыться, если мы будем обращать внимание на его деятельность, всматриваться в его побуждения и вникать в то, что ему доставляет удовольствие?»

11 Философ сказал: «Кто повторит старое и узнает новое, гот может быть руководителем для других».

Постоянное упражнение в старом не заключается только в простом повторении старого, потому что это было бы мертвое знание, а в развитии начал, заключающихся в нем и в расширении прежде приобретенного, т. е. старого, путем аналогии; такое знание будет постоянно живым и деятельным знанием, а не мертвым капиталом. Другими словами, старые знания служат канвою, основанием для новых, дальнейших. Видно ли здесь начало застоя? Без постоянного повторения можно опасаться, что старое знание забудется и таким образом не будет почвы (опоры) для приобретения новых знаний.

12 Философ сказал: «Благородный муж не есть оружие, годное только для одного какого-либо употребления».

Каждое орудие имеет свое специальное назначение; но человек, достигший нравственного совершенства, обладая всеми совершенствами, пригоден на все.

13 Цзы-гун спросил: «Кто есть благородный муж?» Философ сказал: «Тот, который сначала действует, а потом говорит».

Другой перевод: «Тот, у которого дело предшествует слову».

14 Философ сказал: «Благородный муж заботится об общих, а не о партийных интересах, а низкий человек, наоборот, заботится о партийных, а не об общих интересах».

Другой перевод: «Благородный муж универсален, но не партиен, а низкий человек партиен, но не универсален».

По толкованию, оба одинаково проникнуты чувствами любви и расположения к людям и вся разница заключается в том, что первый распространяет эти чувства на всех, а второй только на своих присных, на свой кружок.

15 Философ сказал: «Учение без размышления бесполезно, но и размышление без учения опасно».

По мнению Чэн-цзы, для учения необходимо: много учиться, вникать и расспрашивать, тщательно размышлять, ясно различать и с твердостью осуществлять приобретенное путем учения на практике.

16 Философ сказал: «Исключительное занятие чуждыми учениями может только принести вред».

17 Философ сказал: «Ю, научить ли тебя Знанию? Что знаешь, то и считай, что знаешь; чего не знаешь, то и считай, что не знаешь, – вот это и будет Знание».

Ю – ученик Конфуция по фамилии Чжун, по имени Цзы-лу, отличавшийся храбростью.

18 Цзы-чжан учился с целью добиться жалованья. По этому поводу Философ сказал: «Много слушать и оставлять в стороне сомнительное, а о прочем говорить осторожно, – тогда будет мало обвинений; много наблюдать и оставлять в стороне опасное, а в остальном действовать осторожно, – тогда будет мало поводов к раскаянию; а если из-за речей будет мало обвинений, а в действиях – мало поводов к раскаянию, то здесь будет и жалованье».

Цзы-чжан – ученик Конфуция по фамилии Чжуан-сунь, по имени Ши.

Общий смысл параграфа тот, что осторожность в словах и поступках служит верным средством к получению жалованья. Это аксиома, не потерявшая значения и в настоящее время.

19 Ай-гун спросил: «Что нужно сделать, чтобы народ был покорен?» Философ отвечал: «Если возвышать прямых людей и устранять бесчестных, то народ будет покорен; если же возвышать бесчестных и устранять прямых людей, то он не будет покорен».

Ай-гун – луский князь по имени Цзян.

20 На вопрос Цзи Кан-цзы, как заставить народ быть почтительным и преданным, чтобы побудить его к добру, Философ отвечал: «Управляй им с достоинством, и он будет почтителен; почитай своих родителей и будь милостив, и он будет предан; возвышай добрых и наставляй неспособных, и он устремится к добру».

Цзи Кан-цзы – луский вельможа из фамилии Цзи-Сунь по имени Фэй.

21 Некто, обратясь к Конфуцию, спросил: «Почему Вы не служите?» Философ сказал: «Что сказано в Шуцзине о сыновней почтительности [государя Чэня]? Он был всегда почтителен к родителям, дружен с братьями и распространял это на управляемых (т. е. домашних) – это и будет служба. Почему же только занятие известного поста следует считать службой?»

22 Философ сказал: «Я не думаю, чтобы неискренний человек был годен к чему-либо. Каким образом может двигаться большая телега без перекладки для постромок, или малая телега без ярма?»

23 Цзы-чжан спросил: «Можно ли наперед знать, что будет в последующие десять поколений?» Философ сказал: «Династия Инь руководствовалась сяскими правилами, и что было в них убавлено или прибавлено, можно знать; династия Чжоу пользовалась иньскими правилами, прибавления и убавления в которых также можно знать. Если бы случилось так, что чжоускую династию сменила бы другая, то даже и на сто поколений вперед можно было бы узнать, что будет».

Конфуций проповедовал неизменность основных нравственных принципов, а не институтов и узаконений, на них основанных.

24 Философ сказал: «Приносить жертвы чужим пенатам – это значит выслуживаться. Сознать долг и не исполнять его – это трусость».

Глава III

Восемь рядов

1 Конфуций отозвался о фамилии Цзи, у которой было 8 рядов танцоров, танцевавших во дворце, что, если у нее на это хватило присутствия духа, то на что у нее не хватит его?

У императора было 8 рядов танцоров по 8 человек в каждом, у удельных князей – 6 по 6 человек в каждом, у вельможи – 4 по 4 человека в ряду, а у простого чиновника – 2 ряда по 2 человека в каждом. Таким образом, вельможи этой фамилии предвосхитили привилегии императоров.

2 Три фамилии убрали жертвенные сосуды при звуках песни «Юн» (привилегия императора). Философ сказал:

«При царских жертвах соприсутствуют князья, сам император дышит величием.

Какой же смысл употреблять эту песнь в храме трех фамилий?»

Под именем трех знаменитых фамилий разумеются три луских вельможи: Мэн-сунь, Чжунсунь и Цзи-сунь.

3 Философ сказал: «Если человек негуманен, то что толку в церемониях? Если человек негуманен, то что толку в музыке?»

Чэн-цзы говорит: «Гуманность – это истинный Небесный закон, и когда он у трачен, тогда нет ни порядка, ни гармонии; а когда их нет, то для чего же нужны правила и музыка?»

4 Линь-фан спросил о сущности (основе) церемоний. Философ сказал: «Как велик этот вопрос! В соблюдении церемоний лучше быть скромным, а в исполнении траурных церемоний лучше проявлять скорбь, чем благолепие».

5 Философ сказал: «У восточных и северных варваров есть правители, не то что в Китае, где их нет».

6 Перед отправлением вельможи Цзи на гору Тай-шань для принесения жертвы Философ, обратившись к Жань-ю, сказал: «Не можешь ли ты переубедить его?» Тот ответил: «Не могу». Тогда Философ сказал: «Увы! Ужели дух горы Тай-шань хуже Линь-фана?»

Принесение жертв знаменитым, горам и рекам составляло привилегию императоров. Впрочем, и удельные князья пользовались правом принесения жертв духам известных гор и рек, но только лежащих на территории их владений. Таким, образом, принесение жертвы духу горы Тай-шань, лежавшей в пределах княжества Лу, вельможею Цзи было предвосхищением прав луского князя.

7 Философ сказал: «Благородный муж ни в чем не состязается, а если уж необходимо, то разве в стрельбе; но и в этом случае он поднимается в зал, приветствуя своих соперников и уступая им, а спустившись – пьет чару вина. И в этом состязании он остается благородным.

Состязающиеся в стрельбе в составе трех пар вступают на арену, которую служит галерея, попарно, делая друг другу три приветствия и стараясь выразить знаки взаимной уступчивости. По окончании состязания они спускаются все вместе; победитель делает приветствие побежденным и пьет чару вина.

8 Цзы-ся спросил: «Что значит стих Ши-цзина: “Прелестна ее лукавая улыбка, выразительны ее прекрасные очи, словно разрисованные по грунту?”» Философ сказал: «Разрисовка производится после грунтовки». «В таком случае и церемонии отходят на задний план», – сказал Цзы-ся. Философ сказал: «Понимающий меня – это Шан (Цзы-ся), с которым только и можно говорить о Ши-цзине».

Смысл этого разговора заключается в том, что как в живописи грунт является основой для рисования, так и преданность и искренность являются основами, сущностью церемонии или правил, определяющих жизнь человека, которые поэтому, как наружное проявление этих принципов, занимают второстепенное место.

9 Философ сказал: «О сяских церемониях (правилах жизни) я мог бы говорить, но дело в том, что удел Ци не дает для этого достаточных данных; мог бы я говорить и об иньских церемониях, но сунский удел не дает для этого достаточных данных по недостатку записей и творений мудрых людей; если бы их было достаточно, то я мог бы сослаться на них».

Циские князья происходили от Юя, а сунские – от династии Инь, и таким образом они являлись хранителями старых уставов и правил, но у них Конфуций не находит достаточных данных.

10 Философ сказал: «При великих жертвоприношениях царственному предку и праотцам его, после того как совершено возлияние ароматного вина, у меня уже нет охоты продолжать смотреть».

По совершении возлияния, которое совершалось в начале жертвоприношения для вызывания духов и с достаточным благоговением, остальная часть обряда совершалась небрежно и потому с Конфуций, как строгий ритуалист, не хотел присутствовать при этом.

11 Некто спросил о значении великого жертвоприношения предку и праотцам его. Философ ответил: «Я не знаю, но кто-то знал, бы его значение, для того управление Вселенной было бы так же легко, как показать это», – и при этом он указал на ладонь.

Так как в этом обряде выражается память об отдаленных усопших, которая, говорят толкователи, возможна только для людей, достигших высшей степени гуманности, сыновней почтительности, искренности и уважения, то естественно, что для лица, обладающего такими нравственными совершенствами, и притом в такой высокой степени, управление патриархальным Китаем, было бы делом весьма легким.

12 Приноси жертву предкам с таким благоговением, как будто бы они сами присутствуют здесь. Приноси жертву духам, как будто бы духи присутствуют при этом. Философ сказал: «Если я не участвую лично в жертвоприношениях, то это как будто я не приносил их вовсе».

Чэн-цзы говорит: «Я полагаю, что эти слова записаны были учениками Конфуция, как выражение того, с каким почтением (искренностью) он относился к жертвам. А между прочим, мы прибавим, что когда у него спрашивали о духах или загробном мире, то он отзывался неведением».

13 Ван Сун-цзя спросил: «Правда ли то, что говорят: Лучше угождать духу домашнего очага, чем духу юго-западного угла комнаты?» Философ сказал: «Неправда. Если оскорбишь Небо, то некому будет молиться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.